

РОМАН САВЕНКОВ

ПОЕДИНЩИК

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С12

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Савенков, Роман Владимирович

С12 Поединщик / Роман Савенков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-149735-4

Над Риорданом подтрунивают сверстники, а девушки прячут лица при его приближении. Преодолевая невзгоды, он сумел воспитать в себе железную волю, которая со временем превратилась в уникальное боевое мышление, что особенно ценно в мире, где в войнах не гибнут простолюдины, а от искусства поединка зависят судьбы целых королевств.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149735-4

© Роман Савенков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

ВЫСОКАЯ ЦЕНА

С наступлением холодов сарганы, горные козлы и полорогие быки, бовиды, спускаются по склонам Тиверийского хребта, чтобы полакомиться нежной травкой, которая пышно разрастается в предгорьях. За стадами копытных следуют синие барсы, непревзойденные мастера засад. Поскольку их мех полностью сливается со стеблями млечников, деревенские охотники за птичьими яйцами на это время предпочитают переключаться на рыбную ловлю или собирательство грибов и ягод. Все, кроме самых ловких и отчаянных, потому что на деньги, вырученные за шкуру синего барса, любая семья может в достатке прожить целую зиму. Осенние шкуры ценятся намного дороже, шерсть на них гуще и отликает серебром, а для овергорской знати нет ничего желанней, чем палантин или накидка на сине-фиолетовом меху.

До зоны туманов оставалось совсем немного, и оттуда, из белесых клочьев уже долгое время доносилось блеяние козленка. Кусты млечников, что пышной порослью окружили несколько базальтовых валунов, зашуршали, и на узкий скальный уступ, припадая к земле, выполз синий барс. Ярко-голубые глаза хищника вглядывались в туманную взвесь, ноздри напряженно втягивали воздух. Пахло добычей, но в ее запах вплелись едва уловимые флюиды опасности. Человек! Мощные челюсти барса разжались, по клыкам скользнула алая плеть языка. Раздалось чуть

слышное горловое рычание, но тут же замерло. Барсы иногда предупреждали человека громовым рыком, мол, уйди с дороги, я охочусь, а иначе — пеняй на себя. Но сегодня зверь чуял добычу, она была где-то рядом, и он боялся ее спугнуть. Стелясь по низким стеблям горного лишайника, хищник пополз вперед, время от времени замирая на месте. Уши его напряженно торчали двумя черными треугольниками, под темно-синей пятнистой шкурой перекатывались тугие комки мышц.

Испуганное блеяние звучало теперь совсем близко. Широкая сплюснутая морда зверя осторожно просунулась сквозь стебли млечников, и он увидел козленка. Тот лежал на траве, на следующем уступе, прямо под нависающей грудой камней. Ноги козленка были густо опутаны веревкой, которая мешала ему сдвинуться с места, хоть он изо всех сил пытался из нее высвободиться. Именно от веревки шел слабый запах человека — единственного и самого страшного врага барса. Хищник помедлил несколько мгновений, потом в один прыжок преодолел пространство до козленка, и его зубы сомкнулись на шее жертвы. Все было кончено быстро. Зверь легко приподнял тушку, чтобы уволочь ее наверх, в укромное место, подальше от тревожащих его обоняние запахов. Но от козленка шло несколько веревок, наверх, прямо в кучу камней. Барсу уже приходилось скрадывать домашний скот, поэтому он резко дернул головой, чтобы разорвать путы. Из-под ближайшего камня вылетел короткий толстый кольшечек, и вся груда немедленно рухнула вниз. Хищник попытался отпрыгнуть из-под обвала, но помешала туша в зубах и злосчастные веревки. Одна из глыб ударила его прямо по правой лапе чуть ниже локтевого сустава. Раздался хруст, который сменился сначала рычанием, а затем протяжным воем. Зверь все-таки отскочил в сторону, но приземлился на раненую лапу и свалился на бок. Вой затих. Барс пыталсялизать больное место, и с сотни шагов было отчетливо видно, как тяжело вздымаются и опадают его бока.

С сотни шагов, потому что именно на этом расстоянии скрывался охотник. Он сидел за массивным валуном с подветренной стороны, для надежности закутанный в козлиную шкуру. Расчет был на то, что камень проломит зверю голову или его зажмет несколькими валунами, но барс сумел отпрыгнуть, и теперь охотник медлил. А если раненый хищник уползет в заросли вверх по склону? Преследовать его будет смертельно опасно. А вдруг повреждения не слишком серьезны, и зверь бросится в атаку? Одним ударом лапы барс способен убить или покалечить человека, если тому повезет, как повезло отцу охотника, который уже два года лежал дома и передвигался с палочкой в пределах двора. С той поры пятнадцатилетнему Риордану пришлось взвалить на свои плечи заботу о хлебе насущном для всей семьи, которая состояла из матери, калеки-отца и младшего брата. Он бил из лука дичь, собирал яйца в птичьих гнездах, подкарауливал сарганов, а один раз сумел случайно завалить молоденького бычка-боведа. Впрочем, от бычка ему досталась лишь задняя нога и кусок грудинки — именно столько Риордан сумел уволочь за один раз, а когда повторно поднялся в горы, то туши на месте не оказалось. Только бычья голова, уже дочиста обклеванная стервятниками. Длинные витые рога боведа были обрублены для продажи чеканщику, который сделает из них кубки для вельмож. Риордан тогда разревелся, как ребенок, проклиная вора, слезы катились по грязным щекам, а пара стеклянных грифов безучастно наблюдала за его горем с ближайшего валуна.

Неудачи закаляют дух сильного и ломают волю слабого. За два года лазанья по скальным уступам сухожилия Риордана приобрели стальную крепость, пальцы превратились в железные крючья, но внешне он остался таким же подростком — невысоким, с непомерно длинными руками, которые выглядели еще нелепей из-за его природной шуплости. Лицо Риордана всегда было обветренным, кожа на ушах шелушилась по причине частых обморожений, а кисти рук стали красными, как у обваренной

курицы. Он не пользовался популярностью у молоденьких девиц деревушки Вейнринг, где проживала его семья. Сверстники относились к нему с настороженным презрением, которое обычно проявлялось у Риордана за спиной, потому что его красные лапы могли мгновенно сложиться в устрашающей крепости кулаки, и пару раз молодому охотнику приходилось демонстрировать задирам преимущества горного воздуха и длительных пеших прогулок.

К охоте на синего барса Риордан шел давно. Не раз и не два его сердце замирало от раскатистого рыка, который раздавался в горах и, казалось, звучал отовсюду. Риордан дал себе слово поквитаться со зверем за покалеченного отца и за свою трудную жизнь, а по причине серьезности характера это обещание превратилось для юного охотника в настоящий обет. Нужен был верный способ, основанный на хитрости, потому что вступать один на один в схватку со зверем, который втрое тяжелее тебя, было форменным безумием. На мысль о ловушке Риордана натолкнул случайный горный обвал, который едва не похоронил его в погоне за подранком сарганом. Оставалось только поймать в петлю козленка и найти подходящее место для засады. Наконец, в один из десятков его силков попался молоденький сарган. Охотник притащил козленка домой, с ним несколько дней играл его младший брат, а Риордану частенько приходилось смущенно опускать голову в ответ на немой вопрос матери. Отец отнесся к его затее равнодушно. Его вообще перестало интересовать что-либо, кроме бутылки с брагой и собственной перечеркнутой судьбы. Все, чем опытный охотник помог своему сыну перед опасным рейдом — это совет немедленно выкинуть блажь насчет барса из головы и больше работать с матерью в огороде, потому что скоро зима и без заготовок придется туго.

Чтобы барс не учуял подвох, Риордан делал все в рукавицах из козлиной шерсти, а сами веревки долго отмачивал в молоке.

И вот теперь вся затея повисла на волоске. Насколько сильно ранен зверь? Риордан снял со спины короткоплечий охотничий лук, положил на тетиву стрелу с тяжелым наконечником и шаг за шагом начал подкрадываться к хищнику. Когда под его сапогом зашуршали камешки, барс резко обернулся, вскочил на лапы, но тут же свалился обратно с остервенелым рычанием и не переставал рычать, наблюдая за приближением человека. В шагах десяти от зверя Риордан остановился.

— Это ты порвал моего отца? Ладно, я буду думать, что ты. По крайней мере, ты ответишь мне за всю свою породу.

В ответ на голос барс зарычал еще сильнее и сделал движение, словно хотел кинуться на человека. И через мгновение в его оскаленную пасть вонзилась охотничья стрела. Хищник заскулил и здоровой лапой попытался вытащить древко. Сердце Риордана не дрогнуло от приступа жалости. Охотнику, который терзается состраданием к добыче, лучше заняться садоводством. Риордан вытащил из колчана вторую стрелу. Целиться нужно было предельно аккуратно, чтобы не попортить дорогую шкуру.

Семь лет назад, когда Риордан был еще мальчишкой, а отец — его кумиром, уважаемым всеми человеком, мало обращавшим внимания на отпрыска, он подошел к нему и попросил помочь стать самым лучшим охотником. Отец тогда рассмеялся, подвел к большому валуну, что торчал, как межевой камень на границе соседского участка, и сказал:

— Кидай в него гальку с десяти шагов. Когда начнешь попадать девять раз из десяти, отойдешь еще настолько же. Справишься, а после снова явишься ко мне. И помни, что камень сейчас — это твое оружие. Научишься чувствовать камень, управлять его полетом, сможешь освоить лук, копьё и даже меч.

Через два месяца Риордан пришел к отцу и сказал, что может попасть девять раз с тридцати шагов. Отец не поверил и хотел отругать сына за хвастовство, но тот был

настойчив, поэтому поверить все же пришлось. Тогда отец привязал сыромятную веревку к молодому деревцу на опушке леса и приказал натягивать веревку одной рукой. Когда Риордан сумеет согнуть деревце, он может снова прийти и попросить следующее задание. Сначала у Риордана получалось только натирать кровавые мозоли, но теперь обломанный ствол того деревца стоит на опушке, словно сколотый зуб. Исполнив задание отца, он не пришел за следующим, потому что на тот момент отец уже перестал быть его кумиром.

Со второй попытки он попал барсу прямо в ярко-голубой глаз.

Процесс снятия шкуры занял у охотника немало времени. Встреча с хищником произошла на рассвете, а теперь солнце уже разгоняло облака высоко над пиками Тиверийского хребта. Риордан скатал трофей и аккуратно уложил его в объемистый заплечный мешок. Потом вырезал желчь, сердце, печень и рукоятью ножа выбил хищнику клыки — за них деревенский знахарь выложит кругленькую сумму, особенно за желчь, потому что она входит в состав многих лекарств и эликсиров, а клыки пойдут на изготовление амулетов. Задушенного барсом козленка Риордан тоже забрал с собой — зачем пропадать добру?

Когда он добрался до дома, день уже понемногу клонился к закату. Мать работала на грядках — пропалывала сорняки. Два года назад у них был просторный дом в центре деревни, но его пришлось продать, чтобы переехать на окраину, в эту хижину с большим огородом позади. Если бы они откладывали на черный день, не пришлось бы расставаться с домом, где всем хватало места, но отец любил жить широко. Ему часто сопутствовала удача на охоте, после чего он мог целый вечер угощать всех желающих в корчме. Зато, когда отца покалечил барс, желающих угостить его самого оказалось немного.

Хижина. Именно так мать называла их новое жилище. А отец никак не называл. Большую часть времени он про-

водил в постели с бутылем браги, настоящей на хмельных ягодах, или помогал матери с готовкой. Ягоды ему собирал Стогнар, младший брат Риордана. Из-за браги в хижине стоял спертый запах, хотя настаивалась она на крыльце, в объемистой бадье.

Грудь Риордана распирало от восторга и нетерпения — ему хотелось побыстрее рассказать родителям и брату о своем трофее. Он едва сдерживался, чтобы не побежать к матери со всех ног. Но настоящему охотнику не пристало ребячиться, поэтому Риордан солидным и размеренным шагом шел по тропинке между грядками. Увидев старшего сына, мать отбросила тляку и, тяжело ступая, направилась к нему навстречу.

— Почему так поздно? Твой младший брат полдня таскал мне воду, но ее все равно не хватило, — потом взгляд матери остановился на тушке козленка, и ее уголки губ опустились. — Все-таки убил. Зачем ты его вообще забрал? Мы со временем могли бы подкопить денег и купить еще одного. На краю огорода можно соорудить загон, козлята бы подросли, и у нас каждый день было бы свежее молоко. Сам знаешь, что охота — ремесло ненадежное.

— Я не убивал козленка, — сказал Риордан. — Это сделал синий барс.

Весь его горделиво-торжественный настрой, с которым он вернулся домой, куда-то улетучился.

— Синий барс, — повторила мать. — Каждый раз, когда ты уходишь в горы, я молюсь, чтобы ты вернулся невредимым. Мало мне горя с твоим отцом...

Видя, что мать начала свою обычную тираду, Риордан поспешил ее перебить:

— Пойдем в дом, мама. Я хочу что-то показать. Где Стогнар?

— Убежал к дому бурмистра. Из Овергора сегодня приехали военные, — мать хмуро взглянула на Риордана.

Стогнар грезил мечтами о солдатской карьере, и, если у Риордана находилось свободное время, они часто

отрабатывали разные приемы на самодельных деревянных мечях. Они навьючивали на себя разные тряпки, воображая, что это камзолы вельмож, обычная веревка при этом сходилась за золоченый аграмант, а половик заменял плащ на меху саргана. Они отвешивали друг другу изысканные поклоны и вели разговоры на языке господ, воображая, что когда-нибудь окажутся в их обществе. Мать считала, что Риордан напрасно потворствует детским фантазиям Стогнара. Зачем напускать на себя благородные манеры, если нет шансов попасть в круг избранных? Максимум, чего мог достичь житель горной деревушки, это стать военным. Но профессия солдата еще более рискованная, чем ремесло охотника. Вот фермер или скотовод — совсем другое дело. Здесь можно рассчитывать на верный доход, который не зависит от удачи, капкана или твердости руки. Но земля на огороде родила плохо, как ее ни поливали, а их единственного козленка Риордан забрал в горы, где его задушил синий барс.

Когда они с матерью зашли в хижину, отец лежал на кровати на спине и дремал. Он теперь часто спал днем, потому что ночами его нередко мучили боли в животе — следствие ран, и иногда он ворочался без сна до рассвета. Лишь ягодная брага могла погрузить его в тяжелое забытие. Все смирились с его пьянством, потому что понимали — это самое простое и дешевое лекарство.

— Папа, — негромко позвал Риордан.

Веки отца приподнялись. Он несколько мгновений озирался вокруг, потом его тяжелый взгляд остановился на фигуре старшего сына.

— Зачем ты ходил в горы? Я же сказал, что сейчас там слишком опасно!

Риордан молча поставил на пол мешок, откинул в сторону пестрый домотканый половик и расстелил на полу драгоценную добычу. Он ожидал восторгов, но никто не произнес ни слова. Мать охнула и закрыла рот ладонью, а отец приподнялся на кровати, неловко сполз вниз и принялся ощупывать шкуру.

— Целая, — наконец изумленно прошептал он и, словно не веря своим глазам, перевернул шкуру и осмотрел с другой стороны. — Откуда ты ее взял?

Губы Риордана дрогнули.

— Добыл, — ответил он с обидой.

— Но в ней нет ни одной дырки...

— Я целил в глаз. И попал в глаз. Еще я взял желчь, клыки, сердце и печень...

— Хорошо. Но это ерунда. Главное — шкура. Барс был здоров, паразитов на нем нет и мех отличного качества. Такая шкура стоит не меньше двадцати королей. Нет! Если доехать до Овергора и предложить ее одному из этих костюмеров, что обшивают знать, то можно выручить двадцать пять или даже тридцать!

Королями называли золотые монеты с чеканным профилем монарха. Каждый король стоил десяти серебряных рейсов или пятидесяти медных роганов — монет бедняков. Сзади послышался торопливый топот, хлопнула дверь. В хижину влетел младший брат Риордана — Стогнар, отрада матери, сгусток веселой энергии. Не обращая внимания на то, что происходит, Стогнар затараторил:

— Риордан, из Овергора приехал капрал! Настоящий! В мундире! Король объявил новый призыв рекрутов в Воинскую школу!

— А нам какое дело до этого? — сварливо спросила мать. — Мы проиграли три войны за полтора года. За Вертрона скоро некому будет умирать, вот он и ищет новое мясо для военной мясорубки.

— А что это? — Стогнар ткнул пальцем в шкуру.

— Твой брат убил синего барса, — ответил отец.

Стогнар бросился на шею к Риордану.

— Ты настоящий герой! Я всем расскажу, какой ты герой! Риордан! Ты должен пойти со мной на площадь! Скоро начнется смотр. Вдруг нас с тобой возьмут в рекруты?

В деревне Вейринг не было площади. Но ее жители все равно называли так развилку дорог перед домом бурмистра.

— И думать об этом не смейте! — вскинулась мать. — У нас есть дела поважнее. Нужно натаскать воды из колодца на завтрашнюю поливку, сгрести сорную траву с грядок, а кроме того, надо обработать шкуру, чтобы она не испортилась.

На лбу Риордана прорезалась упрямая морщинка.

— Думаю, что я уже неплохо поработал сегодня. И не будет никакой беды в том, что я схожу посмотреть на эту важную шишку из столицы.

Не давая матери ответить, отец быстро сказал:

— Прогуляйся, Риордан. Я сам справлюсь с мездрением и промывкой. А с огородом до завтра ничего не случится.

— Я возьму пару лепешек? Пожую по дороге...

— Ты знаешь, где они лежат, — ответила мама.

Когда за сыновьями закрылась входная дверь и стихли шаги по крыльцу, отец укоризненно покачал головой:

— Ты слишком сурова с Риорданом.

Мать упрямо сжала губы:

— Может быть. Потому что он становится похож на тебя. На все то, что мне в тебе не нравится!

— И все же он сейчас наш единственный кормилец. К тому же добыл сегодня синего барса. Это сразу поправит все наши дела.

Мать вздохнула:

— Нам хватит рассчитаться с долгами и закупить припасов на всю зиму.

Отец улыбнулся.

— Если ее продать в столице, то останется на плодородное поле в низине. И не нужно будет убиваться на этом бесполезном клочке земли.

Мать, словно без сил, рухнула на стул и разрыдалась. В ее всхлипах слились воедино облегчение, недовольство собой, мужем, нынешним положением семьи, а также та вечная тревога о завтрашнем дне, которую знают только бедняки.

Скиндар, капрал королевской гвардии, курил чубук и наблюдал, как местные олухи собираются на смотр. Проклятые деревенские обычаи! Утром, видите ли, их не застать, потому что никто не захочет бросать работу. То, что Овергор потерпел три поражения подряд, им наплевать! Отряд поединщиков теперь состоял из одного взвода вчерашних резервистов. Мастером войны стал бывший капрал второй десятки, а они даже ухом не поведут, когда будет проиграна следующая кампания. То, что вызов последует сразу, как только минует обязательных шесть месяцев передышки, Скиндар не сомневался. Все королевства мира знают об отчаянном положении Овергора. Вопрос только, кто успеет первым. А они даже не могут выстроиться нормально — стоят кучками и рассматривают ряды золотых пуговиц на его парадном мундире. Капрал раздраженно расстегнул пару крючков на жестком стоячем воротнике. Уже начало смеркаться, а здесь, в низине, все еще душно. Прихода осени не чувствуется совсем. Придется оставаться на ночь в Вейнринге, хлестать кислую настойку бурмистра и слушать его вранье об очередном неурожае. Скиндар обожал изысканные блюда, шикарную одежду и общество прелестных женщин, но тут, в захудалой деревушке, придется довольствоваться грубой крестьянской пищей, а дочь бурмистра, которая хоть и бросала на капрала красноречивые взгляды, находилась под неусыпным надзором своей маменьки, и заполучить ее куда-нибудь на сеновал для душевной беседы будет не легче, чем выманить у ее отца ключи от погребов. Словно услышав свое упоминание в мыслях капрала, староста деревни подошел ближе и угодливым тоном поинтересовался:

— Как вам наши молодцы?

Король Вертрон платил двадцать золотых за каждого рекрута, и бурмистру было обещано три за голову, поэтому его морщинистая небритая физиономия в любое мгновение была готова расплыться в подобострастной улыбке. Капрал поморщился: